

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА В 1830–1850-Е ГОДЫ: РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Оружейная палата, 10 марта 1806 г. получившая статус музея по именному указу императора Александра I, до конца 1850-х гг. оставалась единственным публичным музеем Москвы. Специфика фондов обусловила особое внимание правителей к презентации кремлевского собрания. Очень важным периодом в истории музея были 1830–1850-е гг. В начале 1830-х гг. главная функция — прославление правящей династии — была сформулирована именно так и начала воплощаться в экспозиции. Новое здание, возведенное по проекту К.А. Тона, подчеркнуло эту функцию, определив образ Оружейной палаты вплоть до 1920-х гг.

Первоначально акценты в общественной презентации музея были расставлены несколько иначе: он создавался как «общенациональный», его главной целью было желание «увековечить древности Россиян»¹. В соответствии с этой концепцией было выбрано и место строительства здания, возведенного по проекту архитектора И.В. Еготова в 1810 г.: оно располагалось в центре Кремля, напротив Арсенала и Сената, олицетворявших военную мощь государства и закон (ил. 1, 2). О трактовке значения музея как «святилища славы наших предков» свидетельствовали и элементы декора здания. Так, на верхнем карнизе были помещены бюсты и статуи воинов и мудрых политиков: легендарного Добрыни, Пересвета, Ермака, Кузьмы Минина и Д.М. Пожарского, А.Л. Ордина-Нащокина и других. Под карнизом по кругу шла барельефная лента с сюжетами из истории Российского государства².

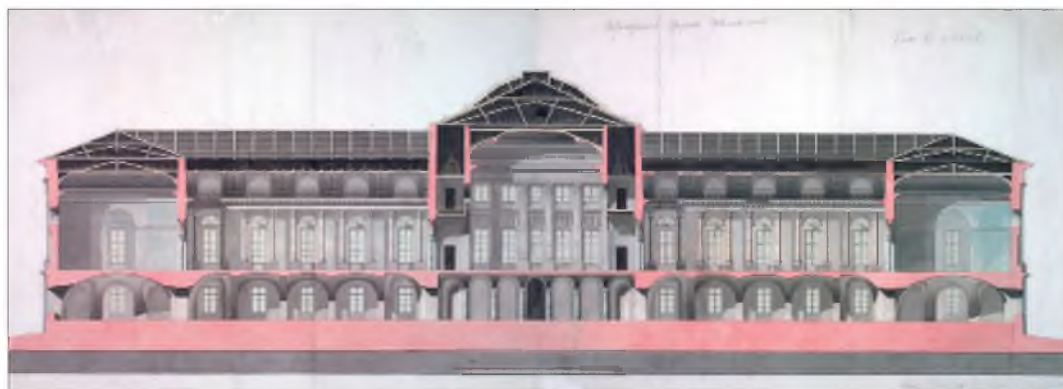
Конечно, не стоит забывать реалий того времени, когда история государства воспринималась как ряд сменяющих друг друга на престоле правителей. Тем не менее появление такого музея вполне соответствовало атмосфере, царившей тогда в российском обществе, — росту патриотизма, национального самосознания и общественной активности, особенно усилившихся в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1815 гг. Однако царствование императора Александра I, ознаменовавшееся рядом либеральных начинаний, довольно скоро завершилось восстанием декабристов и последовавшими за этим реакционной политикой правительства и заметными изменениями в настроении общества. События начала 1830-х гг. — народные волнения, спровоцированные эпидемией холеры 1830–1831 гг., революция во Франции, Польское восстание 1830–1831 гг. — способствовали еще большему укреплению охранительных государственно-идеологических принципов. «Брожение умов» заставило правительство искать пути усиления идеологического влияния на жизнь общества и привело к утверждению в середине 1830-х гг. «коренных начал» официальной идеологии в виде триады, сформулированной графом С.С. Уваровым³: «православие, самодержавие, народность». Подчеркивая священный характер самодер-

1. И.А. Вейс. Вид на старое здание Оружейной палаты. Акварель. 1852. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

жавия, эта «теория официальной народности» декларировала исконную связь такой формы правления с национальным характером и чаяниями народа. Следование ей должно было сохранить политическую и социальную стабильность в обществе и составить нравственную основу воспитания.

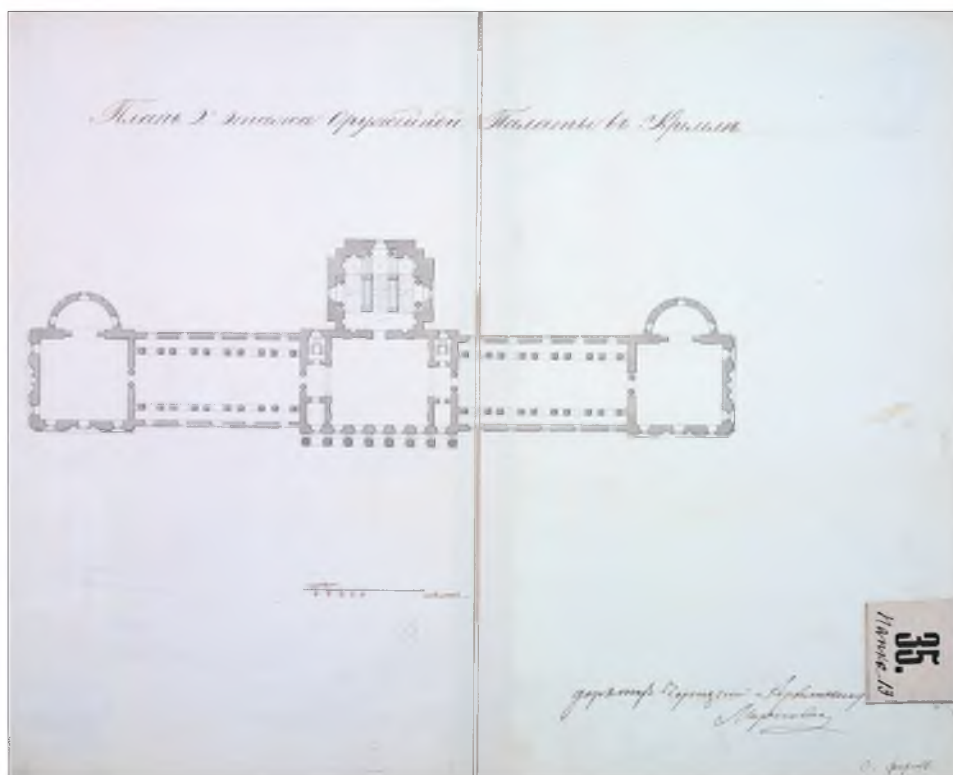
Произошедшие изменения очень быстро нашли отражение в отношении власти к кремлевскому музею. Следствием этого стало изменение его концепции: от «национального» — к «фамильному», хранящему «предметы, связанные с именами царственных особ». Наша статья не предполагает подробного освещения всех сторон деятельности музея в указанные десятилетия. В центре внимания данного исследования следующие вопросы: как была организована презентация музея для публики, что оказывало влияние на внешний вид залов и каковы были особенности эксплуатации первых музейных зданий. К сожалению, не сохранилось изобразительных материалов, позволяющих увидеть первоначальный облик залов Оружейной палаты. Однако экспозицию и происходившие в ней в 1830-х гг. изменения достаточно детально можно восстановить по первым путеводителям П.П. Свинына, П. Евреинова, С. Романчикова⁴. Эта тема довольно подробно освещена в литературе⁵, поэтому напомним лишь в общих чертах, как выглядели музейные залы.

2. А. Максимов (с оригинала И.В. Еготова). Профиль старого здания Оружейной палаты. Чертеж. Первая половина XIX в. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

Экспозиция музея была развернута в залах второго этажа (ил. 3). По традиции, идущей из предшествующих столетий, вооружение экспонировалось отдельно от государственных регалий и других древностей. Первоначально осмотр музея предлагалось начинать с Коронного зала и в нем — с подлинника Соборного уложения 1649 г. Этот документ трактовался как важное свидетельство соответствия монархического правления потребностям народа, подтверждением чему стали 1 300 подписей бояр, окольничих и выборных людей⁶. Далее следовало представление главных государственных регалий (Шапка Мономаха, держава, скипетр и цепь Большого наряда царя Михаила Федоровича), после чего посетители видели комплекс «корон побежденных царств» как отражение истории расширения Русского государства. Далее были представлены мемориальные предметы, непосредственно связанные с обиходом царей. Второй зал, в котором размещались посольские дары, должен был зримо свидетельствовать о высоком статусе России в мире. По другую сторону от парадной лестницы в двух залах располагалась «оружейная» часть музея, характеризующая военное могущество и славу государства. Государственные регалии воинского характера — государственные щит, меч и знамя — были помещены в начале этого раздела экспозиции. Далее размещались образцы древнего вооружения и знамена. Обособленно демонстрировались трофеи (в частности, Полтавской битвы 1709 г.). На первом этаже размещались архив и модель 1773 г. Кремлевского дворца архитектора В.И. Баженова.

В начале 1830-х гг. в соответствии с измененной концепцией музея, открыто сформулировавшей задачу прославления величия и силы российских самодержцев, император Николай I лично распорядился о ряде принципиальных изменений в залах. Так, согласно его указанию, Соборное уложение 1649 г. было перемещено к комплексу мемориальных вещей российских правителей, а все государственные регалии были объединены и представлены в Коронном зале⁷. Кроме того, ярко выраженное, программное значение приобрел центральный зал второго этажа, куда посетители попадали перед осмотром двух

3. С. М. Фирсов. План второго этажа старого здания Оружейной палаты. Чертеж. Первая треть XIX в. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

основных разделов экспозиции. После подавления восстания в Польше в Оружейную палату был передан значительный комплекс предметов из Варшавы, многие из которых являлись символами независимого Польского государства. По личному распоряжению Николая I, прибывшие в 1831 г. польские знамена должны были располагаться в центральном зале, «по правой стороне портрета государя императора»⁸ Александра I, а бронзовый ковчег с Конституцией, дарованной Польше в 1815 г., — около портрета на полу, «под ногами» императора⁹. Показательно было и помещение короны последнего польского короля Станислава Августа среди венцов «побежденных царств» (Казанского, Астраханского и других). В таком же политическом контексте в сентябре 1849 г., после подавления мятежа в Венгрии, император Николай I повелел взятые у мятежников трофеи сначала сложить в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, потом провезти напояз по главным улицам столицы и после того передать в Оружейную палату¹⁰.

Логичным завершением закрепления за Оружейной палатой статуса «фамильного музея Дома Романовых» стало появление проекта строительства нового здания

музея в связи с возведением императорского дворцового комплекса в Кремле. Отвергнув ряд предложений конца 1820-х — 1830-х гг., император Николай I в марте 1838 г. утвердил проект архитектора К.А. Тона, представлявший единый комплекс, объединяющий главный императорский дворец, Апартаменты великих князей и музей. Первый проект нового здания для Оружейной палаты был предложен в 1839 г., окончательный — в 1844 г., а строительство завершилось в 1851 г.¹¹

Обращение к истории Оружейной палаты этого периода заслуживает особого внимания не только с точки зрения формирования экспозиции и истории разработки специализированной музейной архитектуры. Оставаясь единственным публичным музеем в Москве и одним из немногих подобных учреждений в России того времени, Оружейная палата приобрела бесценный опыт в самых разных сферах музейного дела. Обратимся к тем аспектам существования Оружейной палаты, которые влияли в первую очередь на ее восприятие в обществе. Это изменения в облике экспозиции, принципы и условия организации доступа посетителей, а также решение сопутствовавшего этому множества актуальных хозяйственных проблем повседневной жизни музея.

Так как же музей жил в 1830—1850-е гг.? Некоторые стороны существования Оружейной палаты в тот период позволяют представить нормативные документы. В течение первой половины XIX в. деятельность музея регламентировалась двумя именными указами императоров Александра I (1806) и Николая I (1831)¹². Эти документы не содержали подробного определения правил организации каждого направления музейной деятельности и в целом лишь обозначили некоторые из них. В то же время уже первым указом были определены основные принципы комплектования музейного фонда, в дальнейшем оказавшие существенное влияние на состав музейных предметов в экспозиции. Первоначально следовало освободить фонды от предметов, которые «не достойны составлять хранилище древностей». Их следовало отделить от основного собрания и либо «употребить на нужды Палаты», либо продать с торгов «на законном основании» с точной документальной фиксацией. В дальнейшем запрещалось продавать или выдавать из музея какие-либо ценности без особого на то предписания императора. Были также определены источники пополнения коллекций музея. Сотрудники музея должны были проводить целенаправленный розыск «достопамятностей, развлеченных в другие места»¹³. Кроме того, поощрялся прием музеем в дар от частных лиц вещей, соответствующих его профилю.

Указом императора Николая I от 22 августа 1831 г. была упразднена Экспедиция кремлевского строения, в ведении которой находилась ранее Оружейная палата, а ее функции были переданы вновь учрежденной Московской дворцовой конторе, подчинявшейся Министерству императорского двора. По этому указу Оружейная палата не составляла более отдельного Присутственного места и присоединялась к Московской дворцовой конторе как «хранилище оружия, драгоценностей и прочих находящихся в ней редкостей»¹⁴. Статус, структура и штат кремлевского музея просуществовали без значительных изменений вплоть до 1886 г.

В Указе 1831 г. впервые было законодательно зафиксировано, что музей должен открываться для публики «в назначенные на то дни и часы». Более пол-

но вопросы приема посетителей были представлены в Инструкции, выданной эзекутору Оружейной палаты¹⁵ и утвержденной президентом Московской дворцовой конторы 2 марта 1832 г.¹⁶ Во время публичного осмотра музея в обязанности эзекутора входило строго следить за наличием выданных билетов у посетителей «во избежание беспорядка от тесноты». Людям без билетов, а также «в ливреях и неприлично одетым» вход был воспрещен. При этом допускался вход «любопытствующих» без билетов в дни, не предусмотренные для массовых посещений.

Первоначально предполагался свободный допуск посетителей. Однако поскольку, по соображениям пожарной безопасности, первое здание музея не отапливалось, публичный осмотр устраивался только в теплое время года. Это приводило к огромному наплыву посетителей. Объявления о назначенных днях осмотра публиковались в газетах¹⁷. Александр Фомич Вельтман, бывший помощником директора в 1842–1852 гг. и затем возглавлявший музей до 1870 г.

(ил. 4), отмечал, что в хорошую погоду и в дни церковных праздников число посетителей доходило до пяти тысяч человек. В такие дни для охраны порядка «сверх придворных служителей Палаты вытребывалась Команда из Инвалидной роты до 40 человек»¹⁸. Для регулирования потока людей были введены бесплатные билеты, выдававшиеся директором и двумя его помощниками.

Эзекутор определял служителям места дежурств в залах, которые они не должны были оставлять. С посетителями им следовало обходиться «со всякой вежливостью». В обязанности эзекутора также входило поддержание чистоты и опрятности в музее как «важнейшего предмета сбережения древностей». Обычной практикой музея, согласно инструкции, было проведение в экспозиции работ по чистке, просушке, переноске и размещению вещей, во время которых эзекутор следил за тем, чтобы музейные смотрители исполняли все указания хранителей «с должным рвением».

Сохранившаяся делопроизводственная документация дополняет картину сложившейся в музее практики работы с посетителями. Для лучшей ориентации посетителей в музейных коллекциях и формирования у них более полного представления о ценности того или иного экспоната в октябре 1831 г.

4. Портрет А.Ф. Вельтмана. Литография Р. Крейгера. Конец 1850-х гг.

в Оружейной палате были напечатаны «билеты»-этикетки и размещены около предметов. В 1832–1833 гг. аналогичная работа проводилась и с вновь поступившими польскими вещами¹⁹.

Традиционным стало открытие музея два раза в неделю с 12 до 14 часов. В другие дни были возможны лишь особые посещения. Например, в феврале 1836 г. Оружейная палата открывалась сверх установленных дней для профессоров Московского университета, а в марте 1842 г. — для Хивинских посланников²⁰. В 1840-х гг. начала складываться практика целевого экскурсионного обслуживания²¹. Огромный воспитательный потенциал музея первыми оценили военные. С октября 1845 г., согласно приказу главного начальника Военно-учебных заведений, воспитанникам кадетских корпусов, отправляемым в Дворянский полк, следовало в обязательном порядке осматривать Оружейную палату²². Именно кадеты стали первыми участниками осмотра музея специально организованными группами, время приема которых согласовывалось заранее.

Число аналогичных запросов росло, поэтому с августа 1849 г. для них было введено дополнительное время — с 9 до 12 часов утра, до общего входа посетителей. Летом 1850 г., во время подготовки музея к переезду в новое здание, Оружейная палата была закрыта для осмотра, однако музей не прекращал «свободного пропуска» кадетов²³. Во второй половине XIX в. постоянные отношения у музея сложились и с другими военными училищами, военно-фельдшерскими школами, а также действующими полками²⁴. Для этих учреждений экскурсии проводились уже в 1853–1854 гг., когда работы по созданию экспозиции в новом здании музея еще не были завершены.

Значительные перемены в экспозиции были связаны с поступлениями новых предметов. В соответствии с положением Оружейной палаты как «главного музея, хранящего предметы, связанные с именами царственных особ»²⁵, был произведен ряд перемещений важных исторических и художественных памятников. Вот лишь некоторые масштабные поступления: в 1838 г. — двадцать портретов из Большого Кремлевского дворца, в 1839 г. — стальная колыбель Александра I, в 1840 г. — более пятидесяти живописных и тканых портретов из Императорской шпалерной мануфактуры. С решением императора было связано также поступление в Оружейную палату в январе 1849 г. вещей, принадлежавших шведскому королю Карлу XII и ранее хранившихся в Кунсткамере, в Кабинете Петра Великого²⁶.

Существенные пополнения фондов были связаны с распоряжениями императора Николая I о перераспределении хранения между различными учреждениями. Так, в 1830 г. в музей были переданы вещи из Троицкой лавры. В 1831–1833 гг. из варшавского Королевского дворца поступил большой комплекс польских предметов — портреты, троны, знамена. В ноябре 1834 г. Оружейной палатой были приняты на хранение двенадцать старинных экипажей с Колымажного двора, которые разместились на первом этаже и стали новой важной коллекцией в собрании музея. В 1843 г. подобным образом пополнялась коллекция древнего оружия и вооружения²⁷. Указания императора в апре-

ле 1849 г. коснулись и собрания художественного серебра, когда был произведен обмен золочеными блюдами с Патриаршей ризницей²⁸.

Среди наиболее массовых поступлений можно назвать археологические находки. Как правило, обнаружение драгоценных предметов и древнего оружия в ходе раскопок предполагало отправку наиболее ценных памятников в Оружейную палату. Документы первой половины XIX в. и особенно 1840-х гг. свидетельствуют о большом числе поступлений таких находок. География их весьма обширна: Киев, Звенигородский уезд, Царев²⁹ (бывшая столица Золотой Орды) и другие. С 1860-х гг., в связи с появлением других музеев исторического профиля, такие передачи прекратились, как не вполне соответствующие специфике музея. Археологическая коллекция Оружейной палаты, составлявшая в 1835 г. двадцать девять предметов, а в 1868 г. — уже 1 750 единиц, размещавшихся в двадцати витринах³⁰, почти в полном составе была передана в Румянцевский музей.

В Оружейную палату передавали предметы и частные лица. Следует отметить, что в музей принимались только уникальные памятники, а также вещи, принадлежность которых царственным лицам была точно установлена. В иных случаях музей отказывался от предлагаемых ценностей. Опыт комплектования фондов Оружейной палаты в этот период впоследствии имел методологическое значение для музеев исторического профиля.

Поступления в музей новых экспонатов требовали изготовления нового витринного оборудования. Необходим был и ремонт имеющейся мебели, исправлялись мраморные пьедесталы, плиты и тумбы, а также позолота на них³¹. В случае проведения любых хозяйственных работ сначала приглашали нескольких мастеров для определения подходящих цен. Заказ всегда отдавали тому, кто брался выполнить работу в наименьшие сроки и за наименьшую цену, а потому нередко подрядчиком оказывался кто-либо из крестьян, даже если свои услуги предлагали довольно известные фирмы. Дополнительно изготавливалось оборудование, которое должно было способствовать более удобному и безопасному осмотру экспонатов. В конце 1820-х гг. музей приобрел «стеклянные купола» и специальные подставки «для укладки на них богатых седел»³².

Заказывались и новые декоративные элементы для залов. Так, в начале 1830-х гг., по личному указанию Николая I, было сделано несколько новых фигур в полном вооружении, два конных и два детских манекена. В конце 1830-х гг. предполагалось изготовление еще двух конных фигур, однако в мае 1838 г. поступило указание остановить эти работы до постройки нового здания Оружейной палаты³³.

Несмотря на заметное участие императора в делах музея, явно недостаточное финансирование сказывалось на внешнем облике Оружейной палаты. Технические характеристики здания не были идеальны. Кроме отсутствия в музее системы отопления, к 1840-м гг. рамы на окнах стали настолько ветхими, что летом их «пробивал дождь», а зимой сквозь них наносило снег. В начале 1840-х гг. А. Ф. Вельтман указывал на неприглядность стен в зале с золотой и серебряной посудой, становившихся «совершенно мокрыми» в осеннее и зимнее время, и предложил окрашивать их не клеевой, а масляной краской, «начав для образца с одной залы»³⁴. В таких климатических условиях серебряная посуда быстро

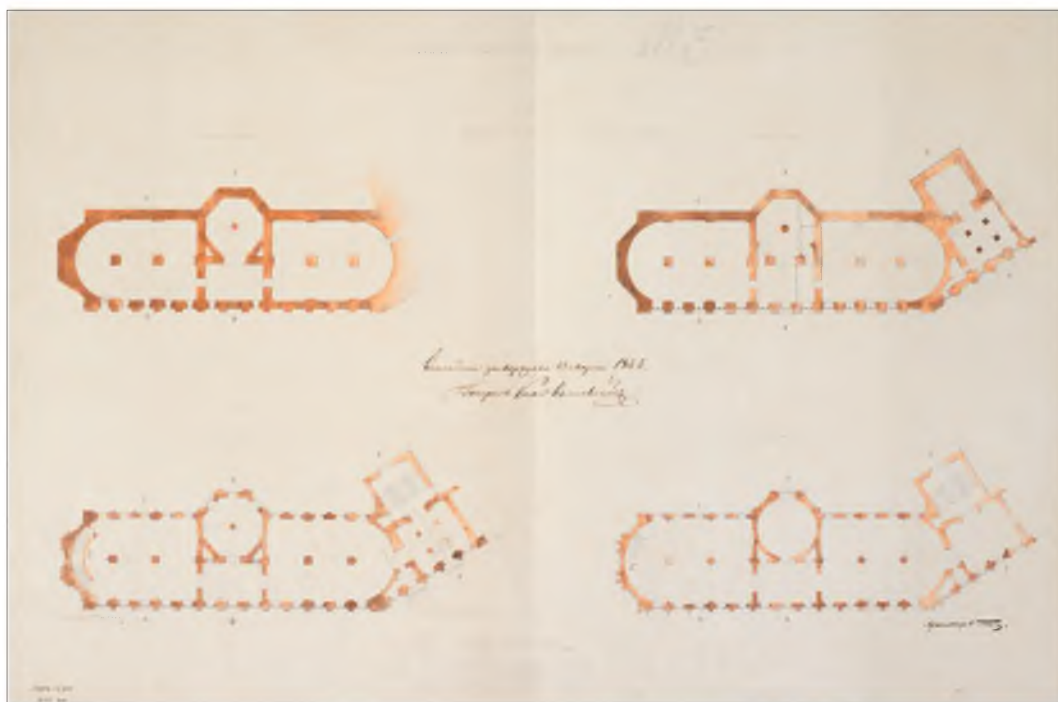
патинировала, а на поддержание ее в нормальном состоянии штатных средств не хватало. Определенным спасением было участие этих музейных предметов в придворных торжествах в этих случаях чистка серебра всегда осуществлялась на дополнительно выделяемые из казны средства³⁵. Следует отметить, что выполнение таких работ в императорском музее было весьма престижно: владельцы известных фирм считали за честь принять в них участие. Например, в 1845 г. известный московский фабрикант и купец, владелец знаменитой ювелирной фирмы, почетный гражданин Игнатий Павлович Сазиков изъявил желание «во всякое время чистить всю посуду в Палате находящуюся, своими мастерами, инструментами и материалами, когда Палатою назначено будет, не требуя от казны никакой денежной платы, если он, Сазиков, будет прикомандирован наравне с находящимися при Палате ценовщиками»³⁶.

Кроме серебра, периодического приведения в порядок требовали оружие и латы, также выставленные преимущественно в открытом хранении. В 1843 г. директор М.Н. Загоскин, в частности, просил выделить две тысячи рублей серебром на приведение в порядок всего оружия, которое не чистилось более десяти лет, с 1831 г., после исключения из штата музея оружейного мастера³⁷ (раньше эта работа производилась под его наблюдением вольнонаемными мастерами).

О том, что ремонтные работы не проводились в необходимом объеме, свидетельствует и случай 1850 г., когда в Средней зале над парадным входом обвалился деревянный карниз с лепными украшениями, поскольку дерево, на котором он был укреплен, от времени истлело. При падении пострадал ряд экспонатов: «...портрет императора Александра I на фоне незначительно прорван и некоторые металлические вещи, принадлежавшие императору Петру I, помяты... а равно и два всадника на конях повреждены»³⁸.

Перспектива скорого перемещения в новое здание позволила провести многие реставрационно-профилактические и хозяйственные работы. В июне 1850 г. президент Московской дворцовой конторы согласился с доводами музейных сотрудников и признал необходимым «вычистить панцири, латы, шишаки, щиты, протазаны, копыя и всякого рода древнего вооружения», а в августе того же года было разрешено вычистить ружья, пистолеты, сабли, шпаги, кинжалы и другое оружие³⁹. Тогда же было удовлетворено ходатайство директора Оружейной палаты в Московскую дворцовую контору, и в музей для оформления будущих интерьеров был передан весь имеющийся в кладовой Запасного двора старый бархат из Грановитой палаты, разного цвета, с «золотыми подзорами, кистями и гербами»⁴⁰. В соответствии с планами размещения экспонатов в новом здании в хронологическом порядке, «сообразно историческому их значению», потребовалось дополнительно изготовить экспозиционное оборудование, которое разработал архитектор Н.И. Чичагов. Для изготовления новой и ремонта старой мебели было выделено более тринадцати тысяч рублей серебром⁴¹.

В 1851 г. было завершено строительство нового здания музея, сохранившееся до наших дней. С этого времени музей стал «парадной частью» императорского дворца: здание Оружейной палаты было продолжением Апартаментов великих князей, оно соединялось переходом с основным зданием Большого

5. Г.Х. Штегеман. План Оружейной палаты. 1844. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

Кремлевского дворца. Кроме отдельного входа в музей, был предусмотрен проход в его экспозицию из Картинной галереи Апартаментов.

Экспонаты Оружейной палаты были перенесены и размещены в новом здании в 1851 г. Однако «спешность» перемещения фондов, по свидетельству директора музея А.Ф. Вельтмана, «не позволила и думать о систематизации их размещения»⁴². Работы по созданию экспозиции растянулись на несколько лет. Окончательная отделка помещений и размещение экспонатов в нижнем этаже завершились лишь в 1855 г. В конечном итоге было сформировано девять тематических залов (ил. 5). На втором этаже, с которого начинался осмотр, разместились Бронный, Оружейный, Трофейный, Коронный (или Тронный), Серебряный залы. На первом — Модельный, Портретный, Бытовой (или Образная зала), Каретный. Экспонаты располагались также в вестибюле и на парадной лестнице, ведущей на второй этаж, с которого и предполагалось начало осмотра музея. Размещение экспонатов было во многом традиционным: «почти в том же устройстве, как и прежде»⁴³, с использованием старых витрин и шкафов. Однако состав экспозиции заметно пополнился вещами из дворцовых кладовых и из частных собраний П.Ф. Коробанова, М.Н. Погодина, А.С. Уварова и других, поступивших в начале 1850-х гг.⁴⁴

В связи с передачей в музей собрания П.Ф. Коробанова появилась даже идея своеобразной «выставки новых поступлений». В июле 1851 г. принятые коллекции

предполагалось «поместить особо в залах для представления на Высочайшее воззрение», в связи с чем директор Оружейной палаты просил Московскую дворцовую контору предоставить ему возможность увидеть вещи до их формального приема, чтобы «смотря по количеству и величине упомянутых вещей можно было бы избрать к помещению их особую удобную залу, а равно устроить для сего и удобные места»⁴⁵. Однако организовать такой показ «Собрания Русских древностей и разных редкостей г. Коробанова» не удалось: коллекция не имела сопроводительной информации, поэтому сотрудники музея были вынуждены сначала заняться составлением «краткой описи всем принятым вещам»⁴⁶. После этого наиболее репрезентативная часть собрания (как и коллекции М.Н. Погодина, А.С. Уварова и другие) была размещена в основном в Образной зале.

Все эскизы и проекты экспозиционных решений в обязательном порядке утверждались лично императором⁴⁷. Авторами проектов были директор музея и его помощники. Так, например, в мае 1855 г. директор музея передал на утверждение проект решения Образной залы⁴⁸, позволяющий обеспечить эффективное «наружное устройство» и сэкономить место⁴⁹. Два чулана, имевшиеся по сторонам этой круглой залы, предполагалось использовать в качестве кладовых, чтобы освободить экспозицию от ветхих вещей, «неудобных для выставки на вид».

В связи с большими поступлениями предметов после коронации Александра II в 1857 г. подробно обсуждался проект Тронного зала. Описание проекта приведено в ответе директора музея на запрос министра Императорского двора о том, как хранятся в музее Государственное знамя и троны, поступившие после коронации императора Александра II. Директор, в частности, указывал, что «Государственное знамя помещается, как и трон, посреди Тронной залы, на тумбе над круглым столом. При знамени Государственный меч и щит»⁵⁰ (ил. 6). Для хранения порфир и императорских коронационных одежд предполагалось устроить, как и в прежнем помещении, два стола со стеклянными откидными чехлами. В этом же зале размещались другие троны. Над ними на специальных кронштейнах предполагалось повесить балдахины. «Носимый при шествии Императора» во время последней коронации балдахин предлагалось поместить «на станке» в Средней зале, у входа в Тронный⁵¹. Из документов следует, что к этому времени работы по устройству экспозиции музея еще не были полностью завершены.

На нижнем этаже из-за их громоздкости были размещены кареты, модели дворцов, пушки, старинные тронные кресла. Здесь же находились стальная колыбель императора Александра I, походная кровать императора Наполеона, «ветхая кровать с тюфяком императора Петра Великого» и другие предметы⁵².

Музейная мебель и в новом здании не была типовой, но в ее оформлении сохранялось единообразие⁵³. Облик экспозиционного оборудования отчасти позволяют восстановить сметы на производство работ, содержащие их подробное описание. В документах разных лет упоминаются щиты с резной выпилкой; тумбы-трепеды; тумбы под знамена; шести- и восьмигранные витрины; витрины-рамы; горки, обитые малиновым бархатом с золотой бахромой; пирамиды под ружья, обитые кожей или клеенкой; квадратные тумбы под шлемы; круглые пирамиды под броню; витрины с закруглениями для ре-

6. Д.М. Струков. Коронный зал. Акварель. 1860-е гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

вольверов, с высокими спинками, с местами для монет «в виде лестницы»; витрины вертикальные и горизонтальные со стеклами с трех или четырех сторон и сверху для царских посохов, жезлов, тростей; столы с футлярами под седла. Имелись также столы со стеклянными откидными чехлами для коронационных одежд и витрины-шкафы на точеных ножках разных размеров, более пятнадцати вариантов. Витрины бронзировали (в 1850—1860-е гг.) или поли-

ровали и покрывали черным лаком (с 1880-х гг.). Внутри витрин использовались дубовые полированные вешалки с железными крючками для развешивания кольчуг, каркасы под одежды и тому подобное. Все проекты, касающиеся интерьеров Оружейной палаты, перед подачей императору утверждались дворцовым архитектором. Нередко он сам разрабатывал необходимое оборудование⁵⁴. Продолжала существовать практика проведения конкурсов цен — заказ получал тот, кто предлагал за выполнение работ «дешевле прочих цены» и указывал наиболее сжатые сроки.

Документы позволяют назвать имена многих подрядчиков, привлекавших к работам по подготовке экспозиции в новом здании. Например, отставной придворный служитель Василий Федоров (изготавливал деревянные горки с обивкой малиновым бархатом и золотой бахромой для Серебряной залы Оружейной палаты и ряд других витрин и столов, занимался также развеской балдахинов); мещанин и каретных дел мастер Василий Соколов (занимался сборкой и размещением древних экипажей в нижнем этаже нового здания музея); вольноотпущенный Егор Жернов, столяр (изготавливал витрины для размещения коронационных одежд); вольный стекольщик Григорий Соколов (устанавливал стекла в новых витринах музея); купец Николай Степанов (привлекался к разработке и установке крепежа для балдахинов)⁵⁵.

В оформлении залов музея традиционно присутствовали эффектные арматуры из оружия. В начале 1860-х гг., после составления новой описи фондов, в экспозиции появились новые оригинальные элементы — из 626 старинных рядовых солдатских пистолетов были составлены «5 трофеев» в виде орлов с гербами Русского государства различных эпох (с XVI в. до современного)⁵⁶.

К сожалению, отсутствие подробных путеводителей по Оружейной палате 1850—1860-х гг. не позволяет детально восстановить облик экспозиции первых лет в новом здании. Однако, претерпев ряд довольно существенных изменений к началу XX в., сохранилась принципиальная схема размещения коллекций музея. В публичных изданиях указывалось, что Оружейная палата «резко отделяется от всяких других музеев» и имеет характер музея, «принадлежащего исключительно ныне благополучно царствующей династии Романовых и носящего, до известной степени, признаки “фамильного музея”»⁵⁷. В систематизации материала прослеживалась линия принадлежности ценностей лично государям, а также выделялись особо значимые для идеи государственной власти тематические группы (например, регалии, трофеи). Внутри этих крупных комплексов находили отражение и общенаучные принципы классификации памятников: систематизация по хронологии, выделение групп произведений, созданных в знаменитых художественных центрах, прослеживание эволюции отдельных типов предметов и другие.

Посетители знакомились с экспозицией музея следующим образом⁵⁸. В вестибюле Оружейной палаты были выставлены шишаки, шлемы, латы и полудоспехи XVI—XVIII вв., а также арматуры из холодного оружия того же времени. Справа от главной лестницы, в углу, размещалось холщовое знамя Емельяна Пугачева. Гобелены XVIII в. и арматуры можно было видеть по мере подъема

7. Д.М. Струков. Оружейный зал. Акварель. 1860-е гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Слева на переднем плане виден мемориальный комплекс предметов, принадлежавших Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, и Государственное знамя 1742 г.

по лестнице на второй этаж. По сторонам от входа в залы стояли два детских доспеха XVII в. Далее посетители попадали в Бронный зал, где было представлено защитное вооружение XVI–XVIII вв., луки и арбалеты, часть холодного оружия и группы ружейных стволов. Стены зала также были украшены арматурами из холодного оружия. В следующем, Оружейном зале экспонировалось собрание огнестрельного и холодного оружия (боевого, охотничьего и парадного придворного) XV–XVIII вв. (ил. 7, 8) и знамена. На стенах были помещены мраморные медальоны XVIII в. с портретами великих князей⁵⁹ и живописные портреты царей, а также арматуры. В Трофейном зале (ил. 9) по углам находились четыре комплекса экспонатов: трофеи Полтавской битвы 1709 г., Венгерской кампании 1848 г., знамена Польского легиона 1812 г. (служившего Наполеону I) и польские знамена (дарованные Николаем I войскам и отобранные им же после восстания 1831 г.). К концу XIX в. в центре зала были помещены государственные знамя, меч и щит (в 1857 г. они располагались в Коронном зале), а у входа в Коронный зал — государственные знамена прежних царствований. Вдоль стен стояли тронные кресла, в витринах экспонировались различные бытовые предметы.

В круглом Коронном зале, расположенном в стороне от общей анфилады, были выставлены царские венцы и короны: от Шапки Мономаха до короны Павла I, коронационные одеяния XVII–XIX вв., древние регалии

8. Д.М. Струков. Фрагмент экспозиции Оружейного зала. Акварель. 1860-е гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Мемориальный комплекс, включающий знамя, саблю и седло Дмитрия Пожарского и саблю Кузьмы Минина

(бармы, скипетры, державы), троны, балдахины, трости, царские и патриаршие пангии и кресты и другое. В первой экспозиции музея Коронный зал считался главным, с него начинался публичный осмотр, и это имело символическое значение. Древние регалии как национальное достояние воплощали идею сильного государства. Напротив, к началу XX в. этот зал был закрыт для общего обозрения, и осмотр коронных ценностей как «фамильных» сокровищ правящего дома стал доступен лишь избранным⁶⁰.

В Серебряном зале экспонировалось уникальное собрание серебряных и золоченых сосудов XVI–XVIII вв. работы русских и иностранных мастеров, систематизированных (по мере возможности) по месту производства. Здесь же размещалось собрание предметов из стекла, янтаря и натуральных. Этот зал отличался наиболее систематизированным представлением коллекции. Общее впечатление портила лишь явная перенасыщенность шкафов и витрин экспонатами.

На первом этаже осмотр экспозиции начинался с Модельного зала. Здесь была представлена модель Кремлевского дворца архитектора В.И. Баженова (в начале XX в. передана в Политехнический музей), а также модели дворца в Коломенском и Малого те-

атра. Там же располагалась коллекция фарфора XIX в., некоторые личные вещи императоров и светская одежда. Далее следовал Портретный зал, в котором, кроме портретов и бюстов знаменитостей, были представлены предметы конского убранства и отдельные предметы (например, глобус, поднесенный Елизавете Петровне в 1742 г. Российской академией наук). Под Коронным располагался Бытовой зал с коллекциями персидских ковров и светской одежды XVII–XIX вв. Завершался осмотр в Каретном зале — здесь экспонировались экипажи и образцы парадного конского убранства.

Накопление и осмысление опыта работы музея привели к появлению в 1858 г. «Правил для управления Московской Оружейной Палатой». Этот документ был утвержден императором Александром II 26 ноября 1858 г. и вступил в силу с 1 января 1859 г.⁶¹ В нем были зафиксированы нормы организации деятельности музея по всем ее направлениям, в том числе изложены главные принципы размещения памятников в экспозиции. Самое непосредственное

9. Г.В. Трунов. Трофейный зал. Фотография. 1880–1890-е гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

участие в разработке этого нормативного документа принимали сотрудники музея. Предшествовавший проект «Предполагаемого устройства управления Оружейной Палатой сравнительно с Императорским Эрмитажем»⁶² был разработан директором Оружейной палаты А.Ф. Вельтманом. В нем, в частности, указывалось, что, в отличие от Эрмитажа, хранение кремлевского музея не разделено на коллекции⁶³. Традиционным для Оружейной палаты является выделение пяти тематических комплексов памятников — царские образа; регалии («царский чин»), императорские коронационные одежды и утварь; древняя золотая и серебряная царская посуда; броня, оружие, конские уборы; портреты, бюсты и «разные вещи»⁶⁴. Принципы размещения памятников в экспозиции, по мнению А.Ф. Вельтмана, должны учитывать время создания предмета, его принадлежность царям и другим лицам, а также происхождение — является произведение работой русских мастеров или же оно прислано в дар от иностранных держав. Кроме того, особое внимание при размещении следовало обращать на «удобство» осмотра «замечательных предметов»⁶⁵.

Принципы экспонирования, предложенные А.Ф. Вельтманом, вошли в «Правила» в полном объеме: учитывалось время создания предмета, его принадлежность

царям и другим лицам, а также происхождение⁶⁶. Особое внимание при размещении следовало обращать на удобство осмотра. Предметы, хранящиеся в Кремле издревле, не должны были смешиваться с приобретенными впоследствии. Следовало соблюдать «симметрический порядок», но лишь при «действительной к тому возможности». Живопись размещалась с учетом хорошего освещения. Около портретов указывались имена художников и изображенных лиц. Все экспонаты, шкафы и витрины должны были иметь нумерацию, для удобства поиска информации в каталогах. Особо в «Правилах» было зафиксировано запрещение посетителям дотрагиваться до предметов⁶⁷. Все правила, касающиеся публики, следовало напечатать «в виде особой выписки» и выставить «у входа на парадную лестницу»⁶⁸.

Еще в предварительном проекте А. Ф. Вельтман отмечал, что, в отличие от Эрмитажа, где вход посетителей строго регламентирован, как во все дворцы, и допускаются «преимущ[ественно] любознательные люди, а толпами народ не пускается», для Оружейной палаты должен быть предусмотрен «впуск два раза в неделю... для народа в чинах... без разбора»⁶⁹. Во все прочие дни (не исключая воскресных и табельных) музей должен открываться «для путешественников и посетителей случайных и для срисовывания вещей»⁷⁰. Подчеркнем: по мнению А. Ф. Вельтмана, в Оружейную палату «как хранилище царских древностей России» должны допускаться «все сословия народа». Вход в назначенные два дня должен осуществляться по билетам с подписью директора. В случае посещения музея императорской семьей допуск публики следовало прекратить⁷¹. Эти положения составили основу «Правил»⁷² 1858 г.

Служители музея обязывались «быть вежливыми». Особо оговаривалось, что «прием от посетителей денег за сопровождение строгойше воспрещается под опасением наказания». Для «удовлетворения любознательности публики» в залах поочередно обязаны были дежурить помощники директора⁷³. Информацию можно было почерпнуть из помещенных около вещей ярлыков⁷⁴, а также из каталогов, которых в среднем продавалось около тысячи экземпляров в год (по 20 копеек за экземпляр на русском языке и по 40 копеек — на французском). Доход от их продажи поступал в помощь нуждающимся служителям музея⁷⁵.

На практике массовые осмотры музея и в новом здании устраивались два раза в неделю (в будни) вплоть до 1880-х гг. С августа 1864 г. президент Московской дворцовой конторы утвердил часы работы Оружейной палаты для публики с одиннадцати до трех часов пополудни⁷⁶ (вместо прежнего — с полудня до двух). Ученые и художники допускались по особым запискам директора, при этом время их работы было продлено еще на два часа после официального закрытия музея⁷⁷.

Источником некоторого неудобства для посетителей по-прежнему была необходимость получения входного билета (в разное время — у директора музея, в канцелярии Московской дворцовой конторы или в Дворцовом управлении). Билеты, как и раньше, были бесплатными, в день их выдавалось до пятидесяти, что обеспечивало около сотни посетителей, а в летние месяцы — двести и более⁷⁸. Это позволяло посетителям осматривать памятники не толпясь и получать необходимую информацию от сотрудников музея⁷⁹. Число посетителей постепенно возрастало. Но в ряде случаев, например в начале 1860-х гг.,

их число специально сокращалось дирекцией в связи с волнениями после Крестьянской реформы 1861 г., пожарами и слухами об умышленных поджогах.

Популярность кремлевского музея у населения не раз приводила к случаям незаконной торговли билетами. Так, например, 1864 г. вошел в историю Оружейной палаты судебным разбирательством по факту спекуляции билетами «для входа в Кремлевский дворец, Оружейную палату и Ивановскую колокольню» двумя лакеями музея — Богомоловым и Антоновым (в итоге первый был уволен из придворного ведомства, второй переведен из Оружейной палаты в Малый Кремлевский дворец⁸⁰). Директор А.Ф. Вельтман информировал Московскую дворцовую контору, что промысел билетами известен давно и занимается им «целая ватага», а потому меры противостояния им не приносят успеха. Полная же отмена билетов грозила повторением опыта Румянцевского музея, когда несколько тысяч человек «затопили все залы и в тех из них, куда более завлекало любопытство, теснота и давка поставили в невозможность отвечать за целость и сохранность вещей»⁸¹. В связи с этим директор предложил ввести осмотр музея двумя сеансами, с 11 до 13 и с 13 до 15 часов, выдавая на каждый по двести металлических жетонов, подлежащих возврату при выходе. Но это предложение не было реализовано.

Несмотря на положение музея как «одной из лучших частей Императорского дворца»⁸², средств, отпускаемых на его обслуживание, было явно недостаточно. Об этом свидетельствуют многочисленные факты экономии расходов. Например, для устройства витрин с ружьями использовались «весьма попорченные» бархат и подкладочная ткань, оставшиеся в дворцовом хозяйстве после отправки на выжигу (то есть утилизацию) старого золотного шитья. Для витрин с булавами музей просил отпустить «подержанную материю» из кладовой запасных вещей⁸³.

Достаточно показательна и история ремонта манекенов, оставшихся в течение ряда лет в плачевном состоянии. Решение об их исправлении было принято Николаем I еще в 1838 г., но отложено до переезда музея в новое здание. К 1853 г. фигуры конных и пеших воинов, облаченные в древнерусское вооружение, были уже «совершенно попорченные временем и молью»⁸⁴. Два директора музея — А.Ф. Вельтман и вслед за ним С.М. Соловьев — неоднократно поднимали вопрос об их ремонте, находили подрядчиков и представляли сметы (в 1853, 1856, 1860 и 1873 гг.). Однако полностью привести манекены в порядок удалось лишь к 1875 г.⁸⁵ (ил. 10, 11).

Новое здание имело ряд архитектурных и технических недостатков. Быстрое накопление из-за печного отопления копоти на вещах и потолках, отсыревающие стены, почерневшие и облупившиеся уже к 1856 г. оконные рамы, растрескавшиеся и расклеившиеся к 1866 г. паркетные полы и тому подобное — все это вредило облику музея и требовало проведения ремонтных работ в здании⁸⁶. Средства на них не всегда находились вовремя. Например, с 1864 по 1868 г. не были приняты меры по ремонту железных дверей в Оружейной зале, несмотря ни на то что архитектор признал их опасными из-за слабого укрепления в стене, ни на многочисленные обращения директора А.Ф. Вельтмана⁸⁷.

10. Фигура русского ратника XVII в. Фотография. 1880-е гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

11. Фигура русского воеводы XVII в. Фотография. 1880-е гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

В середине 1860-х гг. придворный архитектор Ф.Ф. Рихтер предложил окрасить Оружейную палату «живописью в Помпейском вкусе». Однако директор музея А.Ф. Вельтман был категорически против, справедливо считая это совершенно излишней роскошью, поскольку «главная цель не красота живописных стен, а удобная и эффектная выставка вещей»⁸⁸. Следует добавить, что от копоти духовых печей стены и своды музея приобретали неудовлетворительный вид уже через год. Именно А.Ф. Вельтман указал на достоинства нового способа окрашивания стен масляной краской. Это позволяло счищать копоть щетками, а не перекрашивать залы⁸⁹. Первый большой ремонт (с закрытием Оружейной палаты на несколько месяцев для посетителей и с полной переноской вещей с этажа на этаж) был проведен в музее в 1870 г.⁹⁰

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что преобразование древней сокровищницы в публичный музей имело не только культурное, но и важное

политическое и идеологическое значение. Опыт Оружейной палаты в области создания и обслуживания экспозиции, организации работы с посетителями, решении текущих хозяйственных проблем является во многом уникальным, он был весьма полезен для развития отечественного музейного дела.

¹ Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающейся. М., 1807. Ч. 1. С. XXXVIII. Об истории Оружейной палаты см. ряд статей в сб.: Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»; 14). М., 2002.

² Скульптор Г.Т. Замаараев.

³ Граф С.С. Уваров в 1833–1848 гг. был министром народного просвещения.

⁴ *Свиньин П.П.* Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской и Оружейной палате. М., 1826; *Евреинов П.* Краткое описание Московской Оружейной палаты. М., 1834; Романчиков С. Историческое описание Оружейной палаты или Российский музей, с богатством первопрестольной нашей столицы Москвы... М., 1835.

⁵ См.: *Столярова М.Л.* Первая экспозиция Оружейной палаты // Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»; 14). С. 48–56; *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век // Там же. С. 30–47; *Николаева А.С., Щербина Е.В.* Российские императоры и Оружейная палата в 1801–1917 годах // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 89–101.

⁶ *Свиньин П.П.* Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской и Оружейной палате. С. 17.

⁷ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 9. Л. 4 об. – 5.

⁸ Там же. Д. 19. Л. 1.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1514. Л. 1.

¹⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 36. Л. 3.

¹¹ Большой Кремлевский дворец архитектора К.А. Тона. М., 1994. С. 2, 16.

¹² Подробнее об истории развития Оружейной палаты как гос. учреждения см. *Петухова А.В.* Музей в Кремле как государственное учреждение // Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»; 14). С. 12–28.

¹³ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 29. № 22054. С. 133–135.

¹⁴ Там же. СПб., 1832. Т. 6, отд. 1. № 4768. С. 773–779.

¹⁵ Аналогичные инструкции для других должностных лиц музея не обнаружены.

¹⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 7–10.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 10. Л. 1; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 25. Л. 5 (1844 г.); Д. 31. Л. 4 об. (1847 г.); Д. 37. Л. 1 об. (1849 г.); Д. 103. Л. 8.

¹⁸ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 103. Л. 8.

¹⁹ Там же. Д. 29. Л. 5; Д. 16. Л. 1 об., 4 об.

²⁰ Там же. Д. 19. Л. 10; Д. 23. Л. 1.

²¹ Подробнее о различных аспектах работы музея с посетителями см.: *Щербина Е.В.* Музеи Московского Кремля: специфика реализации образовательного и воспитательного потенциала в XIX – первой половине XX века // Музейный просвет: Сборник статей. СПб., 2009. С. 218–245.

²² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Л. 45; о посещении групп кадетов в разные годы, со ссылкой на этот приказ, см.: Там же. Л. 73, 84, 89, 100, 113а, 123, 125, 133, 140, 147, 148 и далее.

²³ Там же. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 32. Л. 3–3 об.; Д. 33. Л. 1 об.; Д. 37. Л. 3 об., 7.

²⁴ Там же. Д. 48. Л. 9 (1853 г.); Д. 56. Л. 5 (1855 г.), 28 (1853 г.); Д. 50. Л. 8 (1854 г.); Д. 68. Л. 81; Д. 92. Л. 4 об. (1862 г.); Д. 100. Л. 5 (1863 г.); Д. 101. Л. 2 об.; Д. 115. Л. 1 (1866 г.), Д. 164. Л. 5 (1874 г.); Д. 312. Л. 5; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 71026. Л. 8–10, 20.

- ²⁵ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 31. Л. 7.
- ²⁶ Там же. Д. 19. Л. 12; Д. 22. Л. 1, 3, 6; Д. 31. Л. 7; Д. 36. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Д. 28. Л. 3 об.; Д. 19. Л. 1–2 об.; Д. 16. Л. 7; Д. 24. Л. 5 об.
- ²⁸ Там же. Д. 36. Л. 1 об.–2.
- ²⁹ Там же. Д. 22. Л. 11 об.; Д. 29. Л. 2, 3, 8; Д. 31. Л. 1 об., 4, 8, 9 (1847 г.); Д. 33. Л. 2 об. (1848 г.); Д. 36. Л. 2 (1849 г.).
- ³⁰ Николаева А. С. Становление и развитие Оружейной палаты как музейного учреждения (1806–1918). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 45.
- ³¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 16. Л. 4 об.; Д. 18. Л. 1, 2.
- ³² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29634. Л. 1.
- ³³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 16. Л. 4; Д. 19. Л. 5, 7 об., 13.
- ³⁴ НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 7. Л. 3.
- ³⁵ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 27. Л. 6; Д. 37. Л. 2 об.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Д. 24. Л. 5–6.
- ³⁸ Там же. Д. 37. Л. 9 об.
- ³⁹ Там же. Л. 6 об., 8 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 6 об.–7 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 10.
- ⁴² НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 22. Л. 3.
- ⁴³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 53. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2 об.
- ⁴⁵ Там же. Д. 40. Л. 6 об. – 7.
- ⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 14. Л. 1.
- ⁴⁷ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 40. Л. 4; Д. 41. Л. 3; Д. 49. Л. 13–14; Д. 50. Л. 3; Д. 53. Л. 1–2 об., 8; Д. 56. Л. 6.
- ⁴⁸ Там же. Д. 53. Л. 8–9. Разрешение было получено в полном объеме 11 мая 1855 г. – ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 271–271 об.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Шербина Е. В. Церковные древности на выставках в дореволюционной России // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М., 2006. С. 323–329.
- ⁵⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 65. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Л. 2.
- ⁵² Там же. Д. 53. Л. 2–3.
- ⁵³ Так, в 1854 г. вся мебель в залах была «выбронзирована», а стены окрашены одинаковым колером. – Там же. Д. 50. Л. 3, 5. В 1855 г. для всех шкафов в нижнем этаже дополнительно были «приделаны» «одинаковые ножки», а рамы всех картин исправлены и вызолочены. – Там же. Д. 56. Л. 9, 12, 13. Кроме того, при заказе нового оборудования постоянно присутствует указание на изготовление «по примеру», или «образцу» уже имеющегося, и так далее.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 71278. Л. 7; Д. 71232. Л. 14; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 67. Л. 7; Д. 219. Л. 43 об.; Д. 290. Л. 9 и др.
- ⁵⁵ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 46, 47, 56, 61, 67.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.
- ⁵⁷ Экскурсионный вестник. М., 1914. Кн. 1. С. 39, 43.
- ⁵⁸ См. также: Николаева А. С., Шербина Е. В. Российские императоры и Оружейная палата в 1801–1917 годах. С. 98–100.
- ⁵⁹ Скульптор Ф. И. Шубин.
- ⁶⁰ См.: Экскурсионный вестник. С. 46.
- ⁶¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 160.
- ⁶² НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 8. В личном фонде А. Ф. Вельтмана сохранился недатированный черновик этого проекта. Однако упоминание в нем о поступлении в Оружейную палату собрания П. Г. Коробанова, состоявшееся в 1851 г., а также наличие утвержденных в 1858 г. «Правил по устройству управления музеем», в которые вошли многие предложения проекта, позволяют датировать документ началом – серединой 1850-х гг.
- ⁶³ Там же. Л. 1.
- ⁶⁴ Там же. Л. 2 об.

- ⁶⁵ Там же. Л. 4.
- ⁶⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 69. Л. 2 об.—4 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 16—16 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 14.
- ⁶⁹ НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 8. Л. 5 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 1, 5.
- ⁷¹ Там же. Л. 3 об.
- ⁷² Полный текст документа см.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 69. Л. 1—16; Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 161—177.
- ⁷³ Там же. Д. 69. Л. 9 об.
- ⁷⁴ Там же. Д. 46. Л. 8; Д. 214. Л. 15, 16.
- ⁷⁵ Там же. Д. 147. Л. 4; д. 168. Л. 27; Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 81; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 21668. Л. 6; Д. 21671. Л. 11; Д. 21676. Л. 3.
- ⁷⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Д. 104. Л. 12.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 69. Л. 16—16 об.
- ⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 47. П. 10. Д. 10. Л. 1.
- ⁷⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. ф. 20. Дорев. оп. Д. 103. Л. 8 об.
- ⁸⁰ Там же. Д. 104. Л. 8 об., 12, 12 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 9—10 об.
- ⁸² Там же. Д. 223. Л. 35.
- ⁸³ Там же. Д. 40. Л. 13—13 об. (1851 г.); Д. 251. Л. 11 (1899 г.).
- ⁸⁴ Там же. Д. 46. Л. 11.
- ⁸⁵ Там же. Л. 11 об.; Д. 61. Л. 8 (по случаю коронации удалось добиться лишь замены истлевшей одежды и париков на восковых фигурах); Д. 81. Л. 12 об.—13 об.; Д. 144. Л. 35; Д. 157. Л. 2, 3 об., 5; Д. 156. Л. 17; Д. 162. Л. 2; Д. 168. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Д. 63. Л. 13; Д. 82. Л. 13; Д. 110. Л. 5; Д. 114. Л. 9, 118.
- ⁸⁷ Там же. Д. 122. Л. 2—3.
- ⁸⁸ Там же. Л. 2—3.
- ⁸⁹ После ремонта 1870 г. подобная практика очистки кофты существовала вплоть до 1912 г., когда впервые музей стало обслуживать Товарищество «Услуга», выполнявшее работы с помощью «электрических пылевывсасывателей». — ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Дорев. оп. Д. 346. Л. 6.
- ⁹⁰ Там же. Д. 133, 134.